

ШИШЕНИНА О. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШИШЕНИНА Ольга Петровна. Получила среднее образование. Вышла замуж за офицера русской императорской армии, в семье дочь и сын. Проживала с мужем в Ворзеле Киевской области, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. С 1924 — вдова, после смерти мужа принята на работу в железнодорожную контору. 15 июня 1927 — арестована, в августе приговорена «за контрреволюционную деятельность» к 3 годам ссылки и 1 декабря отправлена в Купянск Харьковской области; была там без работы. По Октябрьской амнистии срок приговора был сокращен на $\frac{1}{3}$.

В июле 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее мать, Зинаида Васильевна Шульгина.

<9 июля 1928>

«У нас, в провинции, сложилось настойчивое мнение, что нужно обратиться к Вам, многоуважаемая Екатерина Павловна, с просьбой, когда обрушится какое-нибудь несчастье, и Вы, Екатерина Павловна, всегда поможете и сердечно отнесетесь к обращенной к Вам просьбе. На мою дочь, Ольгу Петровну Шишенину, обрушилось такое неожиданное несчастье: она 1-го декабря прошлого 1927 года административно сослана на три года в г<ород> Купянск Харьковск<ого> округа (по Октябрьской амнистии срок этот сокращен на $\frac{1}{3}$). Мне давно советовали обратиться к Вам с просьбой, облегчить ее горькую участь. Я все не решалась. Но недавно, даже из далекого Кавказа, из Тифлиса я получила письмо, где мне советуют опять-таки непременно написать Вам, Екатерина Павловна, и просить Вас о возможной помощи. Между прочим, дает мне такой совет Мария Александровна Аргутинская, живущая в Тифлисе и близко Вас знающая. Я много лет тому назад жила в Тифлисе, где мой покойный муж 20 лет с лишком работал на педагогическом поприще, а я с М. А. Аргутинской часто встречалась при общей работе в воскресных школах в Тифлисе. Теперь я уж древняя старуха, мне 71 год. Живу я в дачном месте — Ворзеле, близ Киева. Жила я здесь последние годы с дочерью; она имела службу на Ж<елезной> Д<ороге>; у нее дочь — моя внучка, и сын — мой внук, к<ото>рый учится в Киевском Техникуме. Жили мы все вместе; дочь неустанным своим трудом всех нас содержала. И вот в ночь на 15-е июня прошлого года постигло нас большое неожиданное горе: дочь моя была арестована и просидела в ГПУ и ДОПР'е полтора месяца. Обвинялась она в контрреволюц<ионной> деятельности. Хотя фактов обвинения совсем не было, но ее выслали на три года в г<ород> Купянск Харьковск<ого> округа. Был, очевидно, ложный донос. Дочь моя — вдова, я забыла это сказать, муж ее был раньше офицер-артиллерист; он тоже служил здесь на Ж<елезной> Д<ороге> и переменял свою фамилию, и дочь моя после его смерти тоже жила под этой ложной фамилией — это главное и единственное ее обвинение. Но муж моей дочери уж умер 5 лет тому назад; она, оставшись вдовой с детьми, только неустанно работала, чтобы поддержать нашу семью, и никакой контрреволюционной деятельностью, и благодаря своим убеждениям, и своей трудовой тяжелой жизни никогда не занималась. Поверьте честному моему слову старого человека. Как ужасно страдать без всякой вины... Теперь уж 8-й месяц дочь моя живет в г<ороде> Купянске. Это глухой маленький городок, найти заработок дочь моя никак не может, несмотря на все ее старания; жизнь ее очень тяжела; тоскует очень и по оставленной покинутой семье и мучит ее невозможность найти работу. Мое горе тоже неопишное. Моя просьба к Вам, Екатерина Павловна, откликнуться на наше горе и помочь нам. Прошу главным образом о том, чтобы пересмотреть дело моей

дочери (распоряжение о высылке моей дочери было из Москвы), удостовериться в полной ее невинности и возвратить ее в покинутую семью, к *ото*рая так страдает без нее. Вообще, прошу оказать ей посильную помощь. Относительно срока ее высылки тоже произошла, очевидно, ошибка: очень бы просила выяснить, почему срок высылки считается с 15-го августа, а не с 15-го июня, со дня ареста, и почему не засчитывается это сидение в ГПУ и в ДОПР'е более, чем 1½ месяца. Срок административной ссылки таким образом удлиняется. Затем дочь моя, живя уже 8-й месяц в этом городе Купянске, усиленно ищет заработка, который так ей необходим, ежедневно ходит на "Биржу Труда", а работы все нет и нет. Недавно на "Бирже Труда" было, правда, требование на тряпичный склад — разбирать тряпье, свозимое с свалочных мест. Работа эта была прямо кошмарная и страшно грязная, моя дочь, к моему ужасу, все-таки решилась за нее взяться, но, конечно, не могла с ней справиться... Было тоже недавно требование другое — в статистическое бюро, но там, несмотря на то, что "Биржа Труда" послала туда мою дочь, заведующий ее не принял, как административно высланную, мотивируя отказ своей тем, что есть распоряжение, что административные ссылки могут везде и всюду работать, кроме статистики. Все эти неудачи очень огорчают мою бедную дочь. Быть может "Бюро помощи административно-ссылным", где Вы, Екатерина Павловна, работаете, окажет свое содействие по отысканию заработка моей дочери: она очень нуждается и очень несчастна...

Я бы очень просила Вас, многоуважаемая Екатерина Павловна, прислать мне ответ, есть ли у Вас возможность исполнить нашу просьбу. Жизнь наша очень тяжела.

Мой адрес:

Ворзель Киевского Округа, станция Юго-Западной железной дороги. 1-я Поперечная улица, дом 11.
Зинаиде Васильевне Шульгиной.

Пусть не удивит Вас, Екатерина Павловна, моя фамилия; это неприятная случайность: кроме одинаковой фамилии, мы ничего общего с известным черносотенным Киевским Шульгиным не имеем. Я его никогда не видела и не знала, даже отдаленного нет родства. А между тем, я имела немало неприятных недоразумений из-за этой фамилии. Мой муж покойный был педагог, прослужил много лет в Тифлисе и на Северном Кавказе, умер в 1920-м году в Одессе, где мы тогда жили¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Ответить, чтоб прислала заявление в Особое Совещание о снятии ограничений, отметив тяжелое семейное положение, и о зачете предвзятых заключений». Е. П. 13/VII».

В августе 1928 — получив ответ из Помполита на письмо матери, Ольга Петровна Шишенина лично обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<10 августа 1928>

«Екатерине Павловне Пешковой.

Приношу свою глубокую благодарность, что Вы откликнулись на обращение к Вам матери моей, на основании Вашего ответа, за № Ш-641

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 233. С. 111-112. Автограф.

от 16/VII - 28 г<ода>, прилагаю мое заявление в ОГПУ, прося Вашего содействия в удовлетворении моего ходатайства.

Найти мне здесь малейший заработок нет никакой возможности; за мое 10-ти месячное пребывание здесь я проработала непрерывно всего месяц, рассыльным при местном Комхозе, замещая отбывавшего Всеобуч — штатного, получила за это замещение 18 р<ублей> 50 к<опеек> в месяц. Постоянного, хоть самого минимального заработка найти мне не удастся и, получая пособие по безработице 8 руб<лей> в месяц (пособие это будет прекращено 1-го октября за истечением срока), я влачу здесь голодное существование и лишена совершенно возможности оказывать поддержку моей, неспособной к труду, 72 лет<ней>, глухой матери и детям, которые были всецело на моем иждивении. Живя в Ворзеле, я работала с раннего утра до позднего вечера, чтобы содержать свою семью, и клянусь всем, что для меня свято, никогда не имела никаких контрреволюционных идей, и уж, конечно, в мыслях у меня никогда не было заниматься "пропагандой".

Последние 4 года я служила при жел<езно>дор<ожной> конторе пути, куда меня взяли после смерти мужа, на его место, конторщиком, где муж служил несколько лет до своей смерти; мужа ценили, как добросовестного работника, он себя хорошо зарекомендовал, почему, после его скоростижной смерти, мне предложили тут же службу, т<ак> к<ак> я осталась с детьми и матерью без всяких средств к существованию. Рабочие, которые в количестве 250 челов<ек> входили в состав нашего жел<езно>дор<ож-ного> участка, относились ко мне очень хорошо, доказательством чего было их ходатайство обо мне о взятии меня на поруки из ДОПРа, что и было удовлетворено. Никто из них, ни один человек, знающий меня целый ряд лет, не может сказать, чтобы я когда-либо относилась враждебно к Советской Власти.

Выросла я на Кавказе в семье педагога прогрессивных убеждений, мать моя работала в воскресных школах, детских приютах и т<ак> д<алее>. На моих же глазах, при старом режиме, протекали притеснения всех национальностей Кавказа, что меня всегда глубоко возмущало и уж, конечно, не могло внушить контрреволюционных взглядов.

Единственно, в чем меня могли бы упрекнуть, что я имела несчастье быть женой бывшего военного, который изменил свою фамилию, следствием чего, под этой же измененной фамилией жили мы все, вся семья. Но я никогда не думала, что мне придется отвечать за мужа и так страдать, оторванной от своей матери и детей. Прошу Вас помочь в моем несчастье; поверьте, я никогда не заставила бы Вас пожалеть о том, что Вы примете участие в нашем горе. Еще раз искренне благодарю Вас.

О. Шишенина.

г<ород> Купянск.

Харьковская ул<ица>, № 38.

10/VIII 28 г<ода>»².

В августе 1928 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Ольге Петровне Шишениной.

<24 августа 1928>

«Ол<ьге> Петр<овне> ШИШЕНИНОЙ-ШЕРЕМЕТЬЕВОЙ.

Купянск, Харьковская ул<ица>, 38.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 233. С. 107-108. Автограф.

В ответ на Ваше заявление, согласно полученной из ОГПУ справке, сообщаю, что в пересмотре дела Вам отказано»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 233. С. 106. Машинопись.